

Все лишнее убрали, оставив лишь чашу с лекарством.

Фан Лижань даже не успел придумать предлог для отказа, как Юйчи Чэнъян уже поднес чашу к его губам, вооружившись маленькой ложкой.

Великий генерал лично поит тебя лекарством — трогательно, не правда ли?

Фан Лижань замер, не смея пошевелиться. Он смотрел на поднесенную к губам чашу так, словно перед ним был злейший враг. Темно-бурая жидкость исходила паром, от которого несло такой густой горечью, что одного запаха хватало, чтобы вызвать тошноту.

Но Юйчи Чэнъян, будто насквозь видя его капризный нрав, не слушал никаких оправданий и с пугающей заботливостью продолжал подносить ложку за ложкой. Фан Лижань предпочел бы, чтобы тот был менее внимателен: от горечи корень языка онемел, а медленное поглощение лекарства позволяло прочувствовать каждый оттенок этого ужасного вкуса — мука была даже сильнее, чем от яда.

Его личико сморщилось, и все страдания отразились на нем самым наглядным образом.

— Дзынь! Очки расположения увеличились на 3%, текущий прогресс прохождения — 8%.

Система 768 внезапно подала голос, и Фан Лижаню стало на душе еще горше, чем во рту. Да что с этим человеком не так? Ему что, нравится смотреть на чужие страдания? Он радуется, когда я мучаюсь? Решил построить свое счастье на моих муках?

Нет слов.

Когда с пыткой было наконец покончено, Фан Лижань, сцепив зубы, выдавил:

— Извинения Великого генерала я принял.

— Вот как? А мне любопытно... — Юйчи Чэнъян, верный принципу бить по самому больному, наклонился ближе: — Каково это — быть обведенным вокруг пальца маленькой женщиной из гарема, которая даже носа из своих покоев не кажет?

— Кхм... — Фан Лижань почувствовал, что простуда его лишь усилилась. Он покраснел от напряжения, но задрал подбородок, делая вид, что ему все равно: — Это лишь пустые дразги наложниц в борьбе за внимание. Я просто позволяю им баловаться.

Ты, одинокий волк, что ты вообще понимаешь в интригах?

Юйчи Чэнъян не стал вникать в его слова. Он небрежно поставил чашу на стол и отослал всех слуг. Позабавившись, пора было переходить к цели своего визита.

— Вчера на банкете мои люди обнаружили, что кто-то пронес во дворец яд. Проведя расследование, они выяснили, что это был Управляющий Чжан, человек, приближенный к Императору. Мы не решились действовать поспешно и пришли спросить у Вашего Величества: как нам следует поступить?

Этот Управляющий Чжан был тем самым человеком, который по приказу прежнего Ци Юя подсыпал яд. Будучи одним из немногих, кто оставался верен Ци Юю, он во всем следовал его воле.

Вопрос Юйчи Чэнъяна звучал официально, но подтекст был ясен как день. Если Фан Лижань не вступится за него, это будет означать, что он бросает своего человека на произвол судьбы. Если же защитит — значит, сведения верны, и тот вечер действительно был ловушкой, подготовленной специально для него.

Фан Лижань не хотел быть тем, кто предает своих помощников, обрекая их на смерть. Как же это было бы подло по отношению к тем, кто ему помогал.

Поразмыслив, Фан Лижань нашел наиболее разумный выход:

— Управляющий Чжан уже в годах, он прослужил во дворце почти всю свою жизнь и буквально вырастил меня. Даже если нет великих заслуг, то есть тяжелый труд. Раз это его первое нарушение, пусть будет так: позвольте ему уйти в отставку и вернуться в родные края.

— В родные края? — Юйчи Чэнъян был несколько удивлен таким ответом.

Он не стал спешно отрекаться от слуги, но и не пытался его оправдать, просто решив спасти ему жизнь? Юйчи Чэнъян не знал, были ли у Императора другие скрытые мотивы, но цель — устранить еще одного приближенного человека — была достигнута.

— Повинуюсь воле Вашего Величества.

Больше не чиня препятствий, Юйчи Чэнъян удалился. Он был Великим генералом, внушающим ужас врагам, но не был палачом, находящим радость в убийствах.

<http://bllate.org/book/21618/2229953>